

Сергей Серванкос

НЕОБЫЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Сергей Иванович Серванкос

Необычная фантастика. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29193265

SelfPub; 2018

Аннотация

Для тех, кто любит необычное, непохожее на то, что привыкли видеть и слышать, когда события идут по непредсказуемому сценарию. Три повести в этой книге совершенно не похожи друг на друга, хотя есть в них нечто общее – это надежда на лучшее будущее.

Содержание

Солнцеворот	5
Рынок душ	5
Шторм	5
Пираты	6
Побег	9
Погоня	10
Рынок	12
План	14
Предательство	17
Подвал	18
Хозяин	19
Боль	20
Приговор	21
Зеркало	22
Казнь	22
Жестокость	25
Кибоко	26
Клетка	27
Думы	28
Змея	29
Ритуал	30
Сделка	31
Награда	33

Дом у дороги	36
Голос	36
Парк	38
Ужин	40
Ночлег	41
Дорога	43
Прогулка	44
Дом	46
Встреча	48
Странности	50
Прощение	51
Нужные вещи	54
Одежда	54
Пища	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Солнцеворот

Рынок душ

«Но знай то, что в последние дни наступят необычайно трудные времена. Люди будут самолюбивыми, любящими деньги, самонадеянными, высокомерными, богохульниками, непослушными родителям, неблагодарными, неверными, лишёнными родственных чувств, несговорчивыми, клеветниками, не имеющими самообладания, ожесточёнными, не любящими добродетельность, предателями, своенравными, гордецами, любящими удовольствия, но не любящими Бога, имеющими вид преданности Богу, но отвергающими её силу. От таких удаляйся» (2Тимофею 3:1-5ПНМ)

Шторм

Ветер швырял сухогруз словно щепку. Хотя, я хожу в море уже не первый год, но к болтанке так и не привык. Всё утро у меня просилось наружу и, когда боцман Сидорчук, похлопав по плечу, сказал, что пора на вахту, я даже обрадовался: наконец-то, хоть чем-то займусь, и смогу отвлечься.

Когда я открыл дверь на палубу, туча солёных брызг окатила меня с головы до ног освежающим душем, яростный

ветер продирался под одежду. Шум был такой, будто совсем рядом на разогреве стоит реактивный самолёт, готовый вот-вот взлететь. Я ухватился за поручень и медленно побрёл к мостику. Стихия бушевала, стараясь разметать наш корабль в пух и прах.

Вот и трап, ведущий в рубку капитана. Вдруг сильнейшая волна ударила в правый борт, тут же накатила следующая и, скользя по тросам, всей своей мощью врезалась в мою грудь.

Пираты

Я проснулся от невероятной тишины и сильной головной боли. Шторм кончился, в иллюминатор светило солнце, я лежал в больничном кубрике, рядом сидела Зина. Это она настояла на походе к берегам Африки, дело в том, что мы уже три года вместе. У неё подрастал сын, которого воспитывала мать Зины, а она обеспечивала их, зарабатывая на жизнь судовым врачом.

– Что случилось? Почему я здесь?

– Тебя вчера ночью волной сбilo, видимо сотрясение мозга, – сказала она, наклонилась и нежно поцеловала меня в губы.

– А, что шторм кончился?

– Да, представляешь! В один миг, будто и не было ничего.

– Так ведь мы сейчас там, где пираты орудуют, – смор-

щился я от резкой боли. – Кеп, ведь, на шторм и рассчитывал, что под шумок эти воды проскочим.

– Не волнуйся! Тебе нужен покой, всё будет хорошо!

– Говорил тебе, что тройную таксу просто так не платят, не надо было соглашаться на эту авантюру.

– Успокойся, милый, всё будет хорошо!

– Хорошо? Ты хоть знаешь, что за ящики у нас в трюме? Это оружие, за нас даже выкуп требовать не будут! Ты понимаешь, что с нами будет?

Наш разговор прервал протяжный сигнальный гудок, который не предвещал ничего хорошего. Выглянув в иллюминатор, я увидел большой катер с вооружёнными людьми на борту, который быстро приближался к нам. Я вскочил с постели и стал одеваться, не обращая внимания на головокружение и боль. Зина испуганно смотрела на меня и причитала:

– Ой, что же теперь будет? Это пираты, Серёж, они нас убьют?

– Не скули! – выругался я и, схватив её за руку, потащил на корму.

Мы быстро добрались до заветной шхеры – это маленькая каптёрка для хранения ненужных вещей. Войдя внутрь, я осмотрелся и, раскидав пустые ящики, сказал Зине:

– Быстро сюда!

Мы сели в угол, натянули на себя, валявшийся под ногами брезент. Потом я вытащил руку из-под брезента и дёрнул кучу из ящиков и другого хлама, чтобы она рассыпалась.

Несколько ящиков свалились прямо на нас – этого я и добивался.

– Теперь не дыши! – сказал я и мы затихли, прижавшись друг к другу.

Снаружи раздались выстрелы, крики, топот бегающих людей, падающих предметов. Через полчаса всё затихло. Ещё через полчаса возле нашего укрытия раздались шаги, послышалась иностранная речь. Дверь в каптёрку открылась, раздалась автоматная очередь. Моё левое плечо обожгла резкая боль, словно огромный шершень вцепился в него, тут же я почувствовал, что по руке течёт кровь. Сцепив зубы, я прижал к себе дрожащую Зину. Стрелявший, что-то сказал оставшемуся снаружи, потом вышел, захлопнув дверь.

Время потянулось черепашьям ходом. Зина оторвала от своей юбки клочок ткани и перевязала рану на плече, пуля только чиркнула его. В продырявленный брезент пробирался солнечный свет. Мы сидели молча, стараясь не делать лишних движений. Снаружи иногда доносились крики, хохот, выстрелы. Медленно свет стал меркнуть.

«Это самый длинный день в моей жизни, – думал я, прижав спящую Зину. – А ведь сегодня 21 июня – солнцеворот. Моя бабка говорила, что в этот день всё меняется: плохое на хорошее, а хорошее на плохое. Неужели, придётся в этом убедиться лично? Надо дождаться ночи и попробовать сбежать».

Побег

Очнулся от резкой боли в раненом плече.

– Тебя не добудишься, – тихо шептала Зина, убирая руку с больного плеча. – Ночь уже, скоро утро, надо что-то делать!

– Хорошо, давай потихоньку выбираться отсюда.

Мы осторожно стащили с себя брезент и стали на ощупь пробираться к выходу. Я приоткрыл дверь и огляделся, вокруг было тихо, ночь окутала всё вокруг жаркой, душной чернотой, на палубе горели дежурные огни, возле рубки я увидел силуэт автоматчика, курившего сигарету.

Мы тихо прокрались на правый борт, где хранились спасательные шлюпки, одна из них висела, готовая к спуску, видимо кто-то хотел сбежать при захвате, но не успел. Я усадил в неё Зину и стал медленно крутить лебёдку, опуская шлюпку на воду. Лебёдка предательски поскрипывала, заставляя сердце от страха выпрыгивать и сжиматься одновременно.

Совсем рядом, стукнув о стену, распахнулась дверь. Я присел, прижавшись к борту, и затаил дыхание. На палубу вышел огромный мужчина, видимо пьяный, его качало, как при шторме, хотя был полный штиль. Он подошёл к борту и стал мочиться прямо на палубу. Сделав дело, он облегчённо крикнул и, расшатываясь из стороны в сторону, пошёл обратно внутрь корабля, оставив дверь открытой.

Когда его шаги затихли, я продолжил спускать шлюпку.

Наконец, почувствовал, что цепи обвисли, значит, шлюпка на воде. Забравшись на борт, взялся за цепи и повис над водой. Страшная боль пронзила плечо, отдаваясь эхом в голове, но я понимал, что, если не спущусь в шлюпку – мне не жить. Через десять минут, показавшихся вечностью, я сидел, обессиленный, возле Зины.

– Надо скорее уплыть, скоро рассвет! – шептала она.

– Хорошо, сейчас, ещё минутку отдышусь.

Погоня

– Серёж! Серёж! – трясла меня Зина, видимо я потерял сознание.

Я встал и стал искать вёсла. Зина искала в другой части лодки. Вдруг она громко закричала, я бросился в её сторону. Зина сидела, зажав себе рот руками, возле трупа нашего старпома, его огромную фигуру нельзя было спутать ни с кем, даже в темноте ночи.

– Тише! Ты всех на ноги поднимешь!

На палубе раздались крики, я, наконец-то, нашёл вёсла, вставил их в ключины и стал, преодолевая боль в плече, усиленно грести.

На капитанском мостике зажгли прожектор, стали прочёсывать гладь моря, вскоре предательский луч нашёл нас и прилип к шлюпке, как клещ – кровопийца. Я понял, что это конец.

– Гребни на те огни! Я постараюсь их задержать, – сказал я Зине, крепко её поцеловал и прыгнул за борт.

Быстро добравшись до корабля, проплыл на противоположную сторону, как и ожидал, там был катер, который я видел днём в иллюминатор. На него спускались несколько человек с автоматами. Верёвочный трап свисал до самой воды, поэтому я смог незаметно забраться вслед за бандитами, которые были поглощены погоней. По моим подсчётам на катере их было пятеро. Я затаился на корме и лихорадочно думал, что делать. Когда катер стал выруливать из-за сухогруза, план созрел. Найдя люк в машинное отделение, пробрался туда и стал дёргать проводки, кабели, которые попадались под руку, вот нащупал топливный шланг, поднатужился и выдернул его, запахло бензином, двигатель несколько раз кашлянул, словно захлебнулся и заглох.

На носу катера раздались автоматные очереди, люк в машинное отделение открылся, я сразу же кинулся на заглянувшего, рванул его за автомат и несколько раз ударил головой о двигатель. Тело пирата обвисло, я схватил автомат и выбрался на палубу, сразу же выстрелив в стоящих на носу. Перестрелка была недолгой, у меня быстро кончились патроны, поэтому последнее, что я увидел, когда меня схватили и стали избивать, исчезнувшая в предрассветной мгле лодка с Зиной, силуэт которой я отчётливо видел, пока не потерял сознание.

РЫНОК

Пришёл в себя от невыносимой боли, всё тело ломило, резало, разрывало и жгло. Открыв затёкшие от кровоподтёков глаза, я увидел бамбуковую решётку перед собой, мои руки были скованы наручниками и прицеплены к такой же решётке над моей головой, рядом слева и справа стояли совершенно голые мужчины с поднятыми руками, скованными наручниками. Это были боцман Сидорчук и наш кок Мекулов Вова. Увидев их, я понял, что и на мне нет одежды.

Состояние было ужасным, хотелось проснуться и стряхнуть этот кошмар, но ничего не получалось. Я опёрся на израненные ноги и попытался встать, тело меня не слушалось, от боли темнело в глазах, после упорных неудачных попыток, наконец-то, я встал и посмотрел за решётку. Напротив нас стояли такие же клетки с голыми людьми в наручниках, среди них были женщины и мужчины разных национальностей.

Клетки тянулись метров на сто пятьдесят влево и вправо. С правой стороны они поворачивали в нашу сторону и соединялись, видимо с таким же рядом клеток с нашей стороны. Слева от нас в начале рядов клеток стоял огромный дом из стекла и бетона с просторными балконами и плоской крышей над пятым этажом.

– Шо очухався? – спросил меня Сидорчук.

– Что это? Где мы? – простонал я.

– У пиратив. Цэ у них база, як я поняв, бос их тут живэ.

– А Зина здесь?

– Ни. Её немае, выдно, убылы нашу Зиночку. Наших тут мало, вот Вован, ты, да я, еще десь кэп наш був, но его дуже сыльно лупцювалы ци падонки, так що може уже и помер. Наших усих перебылы, когда бралы нас. Здається мни, шо воны зналы шо мы везэм. Здалы нас, хлопцы, чую мое сердце.

– А зачем нас здесь подвесили? – всхлипнул Вова справа от меня.

– Ты шо, еще не понял? Продаты хотят, це, ж, рынок.

– Вы шутите, Степан Фёдорович? – выпучив глаза, প্রশেপтал кок побелевшими от страха губами.

– Була нужда шуткуваты зараз, – буркнул Сидорчук, сплюнув кровь с разбитой губы. – Ты шо не бачишь, шо усих повисылы, як окорокы на ярморци. Зараз рынок видкрыют и побачишь на шо ты тут, и скильки за тебэ дадуть.

Боцман был прав, через полчаса со стороны железобетонного дома потянулись пёстрые толпы разномастных людей. Они подходили к клеткам долго смотрели, что-то обсуждая. Арабы и чернокожие толпились возле клеток с женщинами, другие разглядывали мужчин. Возле клетки с мальчиками собралась группа старичков гламурного вида, они долго спорили, кричали, размахивая чековыми книжками, пока сделка, видимо, не состоялась.

Несколько человек подошло и к нашей клетке. Они что-

то расспрашивали по-английски чернокожего торговца, я понял, что речь шла о нашем здоровье и возможности использовать наши органы для трансплантации. Продавец называл цены и заверял, что товар высшей пробы. На наше счастье в цене они не сошлись, а больше мы никому не приглянулись.

К обеду стало невыносимо жарко, рынок опустел, нас отцепили от верхних жердей и принесли какое-то пойло для еды. Я и Вова есть не стали, а Сидорчук съев своё и наше, лёг в углу клетки и уснул. После обеда полил тропический ливень, немного освежив воздух. Положение было ужасным.

План

Ночь быстро окутала всё вокруг липкой темнотой. Со всех сторон слышались стоны заключённых, кто-то вскрикивал, где-то слышался детский плач. Я не мог уснуть, поэтому сел в углу клетки, прижавшись спиной к решётке.

– Шо не спытсья? – послышался голос, проснувшегося Сидорчука.

– Нет.

– А ты, Вовчик, також не спышь?

– Какой тут сон, кругом какие-то пауки ползают, – послышался испуганный голос кока.

– Скажи: «Дякую!», шо ни змии.

– А, что тут змеи есть?

– Ты шо, хлопец, з дубу рухнул? Ты же в Африци, тут цего

добра, як говна на базу.

Вова быстро переполз поближе ко мне. Сидорчук тоже загремел кандалами, подползая к нам поближе.

– Слушайте, хлопцы, пока нас не покрошили на запчасти, надо дилаты звитселя ноги, – зашептал он, когда подполз к нам вплотную.

– Как?

– Я тут померкувал, и рахую шо, колы воны нас перечепляют, ежли гуртом навалытысь, то може шось выйдэ.

– Я готов. Всё равно помирать, так хоть ещё одного поддонка на тот свет отправлю.

– Вы что! – испуганно заскулил кок. – Они нас всех перестреляют.

– Или на органы порежут, что лучше? – сердито буркнул я.

Вдруг в кустах за клеткой раздался шорох. Мы испуганно посмотрели в ту сторону: в кустах мелькнула голова, ползущего человека. Через несколько секунд совсем рядом раздался голос Зины:

– Серёж!

– Да, я здесь, – моё сердце забилося с утроенной силой. – Ты жива? Зачем ты здесь? Тебя же схватят, беги отсюда скорее!

– Я за тобой. Слушайте! – она подползла вплотную к клетке и взяла мои руки. – Завтра вас отдадут тому доктору, который расспрашивал о вас на торгах, я наблюдала из кустов,

а потом встретила его с тем черномазым, что торговался с ним. Они возле моего укрытия ещё говорили с полчаса, потом черномазый дал добро, так что, завтра вас увезут в клинику этого врача и порежут на органы. Я могу достать автомат, у них тут кабак недалеко, сейчас многие спят прямо возле него, пьяные вдрызг.

– Отлично, Зинуль, только будь осторожна! Тогда давай завтра жди нас у выхода.

– Нет. Я осмотрелась здесь. От этой фазенды в город только одна дорога, и повезут вас по ней, она сильно виляет, я буду ждать за третьим поворотом, туда напрямки пять минут ходьбы, а ехать минут десять, так что я посмотрю, куда вас посадят и туда, а вы считайте повороты. Постарайтесь остановить их на третьем, если не получится, я буду палить по водителю, вы, уж, тогда шевелитесь.

– Отлично! Моя ты спасительница, – я просунул голову сквозь решётку и крепко поцеловал её в губы.

Короткая ночь начала таять в тумане разгорающегося утра. Зина скрылась в зарослях.

– Е Бог на свити. Ну, шо? Надо поспаты, завтра будэ жарко, – сказал Сидорчук и полез в свой угол.

– Вы что серьёзно думаете бежать? – пролепетал Вова.

– А ты, что решил остаться. Ты у нас часом не мазохист? – усмехнувшись, сказал я, укладываясь на земляной пол клетки.

– Но ведь это самоубийство! – заскулил кок.

Предательство

Нас разбудили громкие окрики охранников. Они вошли в клетку и стали нас выталкивать прикладами автоматов. Солнце уже вышло из-за верхушек деревьев и припекало не по-детски. Вытолкнув из клетки, нас повели к выходу, такая стволами калашей в спину. У входа нас ждали вчерашние покупатели и чернокожий торговец.

Когда мы подошли вплотную, Мекулов вдруг бросился к торговцу и стал захлёбываясь причитать на ломанном английском:

– Они хотят бежать, их ждёт женщина с автоматом! Я не хочу умирать! Спасите!

– Кто хочет бежать? – оттолкнув кока, спросил бандит.

– Они, – показав пальцем в нашу сторону, Вован стал повторять отрепетированный текст, видимо, всю ночь готовил его. – Они хотят бежать, их ждёт женщина с автоматом! Я не хочу умирать! Спасите!

Сидорчук тут же сообразил, что дело – труба и со всей силы огрел кандалами своего конвоира, я бросился на своего, но силы были не равны, да, и наручники мешали двигаться. Через пару минут мы лежали на земле с заломанными за спину руками. Кок указал пальцем, где прячется Зина, три вооружённых пирата побежали в ту сторону. Нас стали избивать, вскоре я потерял сознание.

Подвал

Тусклый свет в решётчатом окне – первое, что я увидел, когда пришёл в себя. Я лежал на каменном полу в каком-то подвале, руки были в наручниках прицеплены к толстой трубе. Рядом, метрах в двух от меня у стены сидел Сидорчук, тоже прикованный к трубе. У противоположной стены стояла мебель неясного предназначения, из-за слабого света её трудно было рассмотреть.

– Шо очухался? – с трудом проговорил он опухшими губами.

– Всё теперь кранты. А ты говоришь: «Есть Бог», – превозмогая боль, прошептал я.

– Выбачайте, помылывся!

– Что?

– Ошибся, кажу.

– Нет его, и не было никогда, – со злостью и безысходностью сказал я.

– Може ты и прав, а може и ни, – прохрипел боцман. – Тильки одне скажу, якшо ни во шо не вириты, то зовсим погано.

– Что толку верь, не верь, все там будем.

– Це ты прав, а можэ и ни.

За дверью слышались шаги и голоса.

Хозяин

Разговор шёл на английском, мы затихли и стали слушать говорящих.

– Бос, что с этими делать?

– На зеркало их, но сначала я развлекусь.

– Всех?

– Да. Девку можете взять себе на ночь, а завтра на зеркало.

– А с тем, кто про побег рассказал?

– Его тоже на зеркало. Он слишком много знает.

Дверь заскрипела и открылась, зажёгся свет. Когда глаза привыкли к свету, я увидел перед собой пожилого мужчину с козлиной бородкой и лысой головой, плюгавенький такой старикашка, вызывающий отвращение всем своим видом. Он подошёл к Сидорчуку, внимательно его осмотрел, потом подошёл ко мне и стал пристально разглядывать.

– Чего уставился? – злобно буркнул я.

– О, русо! Я люблю русо, – потом он повернулся к сопровождавшему его чернокожему парню, ткнул в меня пальцем и сказал по-английски, – Этого.

Чернокожий позвал двух здоровяков из-за двери. Они схватили меня под руки, отцепили от трубы и потащили к стене, где стояла мебель. Это было кресло, как в зубоврачебном кабинете, меня посадили в него и зажали кисти в специальные кандалы на поручнях, а ноги внизу, видимо, такими

же кандалами. Рядом с креслом стоял стеклянный шкаф. На его полках лежали хирургические инструменты.

Старикашка подошёл ко мне, надел белый халат, висевший в шкафу, и противно улыбаясь, сказал:

– Ну, что, русо, сейчас я буду показать, что учился у вас в Москву. Я доктор, учился мединститут. Давно, ещё Совет Юньон был. Русо хорош! Весёлый, пьяный, добрый, пролетарий соденяйся, миру – мир, – он взял бормашинку и стал выбирать какое сверло вставить. – Понимаешь, русо, меня не совсем обучать. Меня просить уехать, мне сказать, что я не доктор, но я сам теперь учиться. Извиняй, водка нет, надо терпеть.

Старикашка засмеялся и включил бормашину.

Боль

Зубных врачей я боялся с детства, поэтому увидев смеющееся лицо своего мучителя и представив, что меня ждёт, я невольно подумал: «Господи! Помогите!».

Очнулся я возле стены. Пристёгнутый к трубе, я лежал на полу, рядом стонал боцман.

– Где я? – машинально спросил я его.

– Там же. У вязныци.

– Где?

– В Караганде. Ты шо, так злякався, шо усэ забув?

– А где старикашка?

– Ушёл, бис ему в печинку. Ты як вырубывся, вин меня на стул, а я давно, по-пьяни, якость с хлопцами так помахався, шо вси зубы повыплёвувал. Протез у мени. Цей довбанный зубнюк, як побачив, шо нэ удасться повеселыться, пару раз дербанул мни по дэсни, выругався и ушёл.

Тут я вспомнил, разговор за дверью и тот кашмар, который так удачно для меня закончился.

– Слушай, а про какое зеркало он говорил?

– Та бис его знае. Яка ныбудь хрень для катування. Видцього маньяка шо хош можно ждаты.

– Они Зину схватили, – боль пронзила моё сердце, я представил, как её мучают и застонал от бессилия.

Приговор

Солнечный свет за решётчатым окном стал меркнуть. Боцман похрапывал вытянув ноги у стены. Я удивлялся его спокойствию, злился, что не могу успокоиться, готов был рыдать от беспомощности и стонал от страшной боли, разрывающей душу на мелкие кусочки.

За что? За что всё это? Что я сделал такого, что жизнь меня так мордует нещадно? А может это Ты глумишься надо мной? Тогда я Тебя ненавижу! Ты главный злодей на свете! Это Ты виноват, что я мучаюсь, что мучаются любимые мной люди. Я ненавижу Тебя! Ты мёртвый Бог, а если нет, то Тебя надо убить! Будь Ты проклят!

Зеркало

«Предал меня Бог беззаконнику и в руки нечестивым бросил меня. Я был спокоен, но Он потряс меня; взял меня за шею и избил меня и поставил меня целью для Себя. Окружили меня стрельцы Его; Он рассекает внутренности мои и не щадит, пролил на землю желчь мою, пробивает во мне пролом за проломом, бежит на меня, как ратоборец» (Иов 16:11-14)

Казнь

Как только лучи солнца стали пробираться сквозь решётку нашей тюрьмы, дверь с шумом открылась, два чернокожих здоровяка вошли в подвал, отцепили Сидорчука и увели куда-то. Примерно через час они вернулись, схватили меня и, зажав мои руки, словно тисками, потащили на улицу.

Меня приволокли и привязали к столбу; именно приволокли, потому что я обвис в руках мучителей, как покойник, и не реагировал на болезненные пинки и встряхивания. Рядом стояло ещё два столба, на них были привязаны боцман и Зина. Её истерзанное тело безжизненно висело на верёвках туго притянутых к столбу.

За нашей спиной метрах в пятидесяти полукругом стояли бамбуковые клетки с голыми пленниками, очевидно, их пе-

ретащили сюда с рынка. Справа и слева от нас на высоких столбах стояли изящные беседки с креслами и столиками. Беседки были пустыми.

Прямо перед нами лежал огромный плоский камень, одним краем, уходящий вглубь лазурного озера, берега которого утопали в зарослях тростника. Камень был грязного, почти чёрного цвета, верх его был совершенно плоским и был похож на зеркало. От его поверхности отражались солнечные лучи, издевательски слепя нам глаза.

Между нами и камнем было метров двадцать, от столбов к камню шла хорошо вытоптанная тропа, вдоль неё стояли чернокожие туземцы с копьями и бубнами.

Не прошло и получаса, как в беседки по деревянным трапам стали подниматься люди в шортах и ярких рубашках, они усаживались в кресла, тут же появились официантки с подносами в руках, предлагая напитки почётным гостям.

В левой беседке я увидел босса, того противного старикашку, который развлекался «лечением» здоровых зубов. Усевшись в кресло, он закинул ногу на ногу и закурил сигару, потом махнул рукой кому-то за противоположной беседкой.

Застучали барабаны, из-за правой беседки выскочил чернокожий мужчина в страшной маске какого-то чудища. Скача с ноги на ногу, он доскакал к нашим столбам и стал громко орать на тарабарском языке, ему вторили стоящие вдоль дороги, стуча в такт прыжкам своими бубнами.

В руке шамана был факел не горевший, но сильно дымящий. Туземец стал подносить факел к лицу Лизы. От дыма она закашлялась, я вздрогнул от боли из-за бессилия помочь любимой. Два огромных туземца отвязали её от столба и под громкие крики остальных потащили несчастную к плоскому камню.

Подойдя к нему вплотную, они остановились. Все затихли. Шаман указал факелом на правую беседку. Там стояла стойка с микрофоном. К ней подошёл мужчина в костюме и стал читать на разных языках короткий текст, на русском он звучал так:

– Так будет каждый, кто хочет побег!

Когда он дочитал, вновь застучали барабаны и начались пляски туземцев. К здоровякам, державшим Зину, подошли ещё два гиганта. Они взяли бедняжку за руки и за ноги и стали ритмично раскачивать под звуки нарастающего ритма барабанов и бубнов. Когда бой прекратился, они отпустили тело, оно взлетело над камнем и упало на зеркальную поверхность, пыхнув ослепительной вспышкой, словно на камне подожгли кучку пороха.

Я зажмурился, сердце пронзила боль, дыхание остановилось, внутри всё похолодело, когда я открыл глаза, то увидел только зеркальную поверхность камня и скачущих туземцев. От Зины не осталось ничего.

Жестокость

Не могу поверить, что это происходит со мной! Я сплю, сейчас этот кошмар закончится, надо проснуться! Но кошмар продолжался: уже по тропинке в сторону камня тащили Сидорчука, он бессильно обвис в руках палачей, видимо, дым факела дурманил голову. Не прошло и двадцати минут, как боцман тоже пыхнул, как порох, исчезнув на глади камня.

Я онемел от ужаса. Что происходит? Когда закончится этот кошмар? Когда Твоя жестокость прекратится? Я проклинал Бога, призрачная надежда на которого ещё, видимо, жила в моём сердце; я проклинал свою жизнь и то, что мне, так не хочется умирать; я проклинал солнцеворот и свою бабу, которая про него рассказала; я проклинал себя за то, что стал моряком, Зину за то, что уговорила меня в этот рейс, за то, что её теперь нет; я готов был проклинать всех и всё.

Вдруг внутри что-то надломилось, я поморщился от боли, а потом обмяк, равнодушно глядя в зеркальную гладь камня и синее озеро, раскинувшееся за ним. Нет, это сон, всё вокруг не настоящее, этого не может быть, скоро всё пройдёт, я проснусь, и будет всё, как раньше.

Кибоко

– Кибоко! Кибоко! – раздались страшные крики.

Туземцы, бросая копыя и бубны, со всех ног бежали к ближайшим деревьям.

– Кибоко! Кибоко! – орал шаман в маске. Он бросил факел и помчался к ближайшей беседке с почётными гостями, но споткнулся о корягу и упал, быстро поднявшись, хотел бежать дальше, но захромал, сильно припадая на левую ногу.

Со стороны озера из прибрежного тростника выскочили три огромных бегемота и словно курьерские поезда понеслись в сторону людей, которые в ужасе рассыпались по поляне. Один из этих великанов в мгновение примчался к хромающему колдуну. Я никогда не думал, что столь громоздкое животное так быстро и проворно. В мгновение ока бегемот схватил шамана поперек тела и перекусил надвое, как сухую макаронину. Убив колдуна, он подбежал к клеткам с заключёнными и стал крушить их, так, будто вместо прутьев из прочного бамбука, они сделаны из хрупких спичек.

Бегемоты носились по поляне, топча и разрывая, мечущихся в ужасе, людей. Всеобщий хаос и смятение, вопли раненых и запертых в клетках наполнили поляну жутким чувством конца света.

Неожиданно из-за деревьев вынырнул лёгкий вертолёт, в открытом окне которого, я увидел мужчину с пулемётом в

руках, он открыл огонь по животным. Испугавшись винтокрылой птицы, бегемоты также быстро, как появились, убежали в заросли тростника.

Клетка

Что было потом, я помню смутно, потому что потерял всякий интерес к происходящему вокруг. Когда начался послеобеденный ливень, я уже лежал в клетке на земляном полу и смотрел сквозь решётку на пластиковый навес, укрывавший клетку от дождя.

Чувство безысходности сжимало хватку, не давая дышать, хотелось поскорее умереть, точнее, ничего не хотелось: не умирать, не жить, не думать, не смотреть, не слышать.

К клетке подошло несколько человек. Я не обращал на них внимания.

– Что, русо, ты всё ещё живой? – услышал я противный голос босса. – Хорош! Красавчик! Тебя, русо, боги любят – это хорош!

Потом он заговорил на непонятном языке с чернокожим туземцем, который стоял рядом с ним. Они долго что-то обсуждали, тыкая пальцами то в мою сторону, то в небо. Закончив беседу, старикашка повернулся к нашему продавцу, который тоже стоял рядом, и сказал по-английски:

– Отведите его в деревню.

Мне связали руки и ноги, повесили на шест и два здоро-

венных бандита понесли меня в джунгли.

Думы

Часа через два мы пришли в деревню туземцев. Круглые домишки из тростника, накрытые пальмовыми ветвями, рассыпались по огромной просеке среди, стоящих стеной, деревьев. Чёрненькие детишки, совершенно голые с улюлюканьем окружили нас и провожали да хижины вождя.

Вождь осмотрел меня с ног до головы, потом что-то сказал моим конвоирам и указал пальцем на столб, зарытый посередине деревни, рядом с каким-то человекоподобным идолом с тигриной головой, оскал пасти которого внушал ужас. Прямо перед ним метрах в пяти стоял огромный закопчённый котёл с выжженной под ним землёй.

Меня крепко привязали к столбу и оставили на обозрение черномазеньким детишкам и полуобнажённым молодым мамашам, которые с младенцами на руках собрались возле столба и с любопытством разглядывали меня, что-то говорили друг другу и весело смеялись.

Вечер быстро перешёл в ночь. Деревня опустела. Возле меня даже охрану не выставили. Я сначала подумал, что этим надо воспользоваться, но эта мысль быстро растаяла в полном безразличии к моему будущему.

Зачем живёт человек, если неизбежно надо умирать? Почему жизнь чаще всего больше похожа на бег с препятстви-

ями, а когда добегаешь до финиша понимаешь, что тебя обманули, ведь на финише ждёт смерть. Странно, мы убегаем от смерти, стараясь всячески её отсрочить, а в итоге она же встречает нас на финише. Кто всё это придумал? Кто запустил страшную карусель под названием «жизнь»? Что такое смерть? Скоро я с тобой познакомлюсь, а ведь я жду этого знакомства, пожалуй, оно меня уже не пугает.

Ночь вокруг зашумела криками обезьян, хлопаньем крыльев птиц, рыком львов и другими далёкими и близкими звуками постепенно убаюкивающими меня.

Змея

Мне снилась наша маленькая однокомнатная квартирка, Зина, лежащая на моей руке, мигающий за окном светофор. Зина поднялась надо мной, её длинные волосы свисали щечка моё тело шелковистыми кончиками. Она стала гладить моё лицо бархатными ладонями, провела по щекам, губам, подбородку, добралась до шеи, обхватила её с двух сторон и стала крепко сжимать, потом прижалась к моему лицу тёплой грудью, не давая мне вздохнуть. Я стал задыхаться.

Проснувшись я увидел змеиную шкуру, сверкающую в свете луны. Огромный удав обвил мою шею и голову, я задыхался. В ужасе стал, что было силы, мотать головой, рычать, как раненый зверь, кричать не мог, так как челюсть была зажата в объятиях змеи. Несколько раз удалось резко ударить

телом душиителя о столб, отчего хватка его немного ослабла, я смог освободить рот и крикнуть. Тут же кольца удава вновь обвили моё лицо, ещё мощнее сдавливая его.

Силы меня покидали. Последнее что я увидел, краем не зажато змеёй глаза, была луна, висевшая в звёздном небе.

Ритуал

Я открыл глаза и увидел, что поляна перед столбом и идолом заполнена туземцами. Все смотрели в мою сторону. Под котлом горел костёр. Слышалось уханье барабана.

Мне было трудно понять: то ли я всё ещё сплю, то ли я уже умер, то ли змея мне приснилась, и сейчас продолжится вчерашний кошмар. Наконец, последнее показалось самым правдоподобным, я опять стал понемногу терять интерес к происходящему, впадая в безразличное оцепенение.

В центре толпы я увидел старого знакомого – любителя зубодробильной практики, шефа местной мафии. Он, заметив, что я пришёл в себя, подошёл к столбу и, ехидно улыбаясь, заговорил:

– Ну, ты, русо, хорош! Даже Уго тебя не убить! Это хорош! Тебя боги любить. Я буду кушать твой сердце, твой удача будет мой.

Я смутно понимал, что он говорит, к тому же у меня не было сил даже ненавидеть этого старикашку, поэтому всё, что происходило дальше было, как в тумане.

Опять начались пляски туземцев с копьями и барабанами, новый шаман в страшной маске орал ритуальную песню. Вода в котле закипела, меня отвязали от столба и понесли к шаману. Он стоял возле деревянного помоста. Меня положили на помост. Крепко прижав мои руки и ноги, четыре здоровых туземца держали меня, не давая подняться.

Шаман, попрыгав возле меня ещё пару минут, снял со своей груди большой кривой нож и стал приближаться ко мне. Наконец-то всё сейчас закончится, подумал я и закрыл глаза.

– Табу! – услышал я крик шамана.

Я открыл глаза и увидел колдуна в маске прямо над собой. Он указывал пальцем на маленькую татуировку на моём плече, которую мне сделал один знакомый филиппинский матрос, и опять закричал:

– Табу! – повернулся к вождю и крикнул ещё раз. – Табу!

Вождь что-то стал говорить старикашке на непонятном мне языке. Босс пиратов возмущённо что-то кричал вождю, размахивая руками, потом плюнул себе под ноги и пошёл в сторону джунглей. Меня повели вслед за ним.

Сделка

К обеду я опять сидел в клетке, рядом стояла чашка с непонятной едой, но я не хотел: не есть, не пить, не жить. Я хотел только одного, чтобы всё это поскорее закончилось. Жизнь мне опротивела, хотелось плакать, но даже на это у

меня не было сил.

– Здравствуйте, Сергей Иванович! – услышал я знакомый голос капитана.

Он стоял возле клетки в белых шортах и белой рубашке с короткими рукавами. Огромный синяк под глазом и множество ссадин на лице напомнили слова боцмана, что кэпа сильно избивали при захвате.

– Здравствуйте, Олег Викторович! – не скрывая удивления, сказал я.

– Не удивляйся, я жив и здоров, так слегка разукрасили меня ребята для алиби.

– Какого алиби? – ничего не понимая, спросил я капитана.

– Я не буду с тобой юлить, скажу прямо. То, что ты здесь моя заслуга, я уже несколько лет работаю на пиратов, в этом деле замешано много влиятельных людей, поэтому это очень выгодный бизнес.

– Какой бизнес? – не выдержал я, внутри всё закипело. – Ты служишь убийцам, это же не люди, они убивают, грабят, насилуют!

– Успокойся, Сергей, и выслушай меня!

– Не могу я успокоиться, пошёл прочь отсюда, ублюдок!

– Хорошо, я уйду, но ты подумай: шеф предлагает тебе работать на него, он восхищён твоим везением, будешь жить, как человек, ни в чём себе не отказывать.

– Пошёл вон!

Капитан ушёл. Я сгорал от ненависти, стал со всей си-

лы лупить кулаками по решётке, кровь брызгала с разбитых пальцев, но я не чувствовал боли. Обессилев, я упал на землю и зарыдал, как ребёнок. Я не плакал с самого детства. Выплакавшись, мне стало легче, я сел в углу клетки и вдруг подумал, а что, если это единственный шанс, что-то исправить.

Вечером, когда капитан вернулся, я дал согласие на сотрудничество с пиратами.

Награда

Мы сидели на просторной террасе за круглым столиком. Я с аппетитом ел спагетти и запивал сухим вином. Капитан сидел напротив и рассказывал мне, как он уже много лет работает на пиратов, устраиваясь в частные фирмы, которые рекомендуют, неизвестные ему, боссы, потом набирает команду из безработных моряков со всего мира и ждёт, пока покровители не дадут команду слить груз пиратам. Наш сухогруз был уже вторым его судном, по контракту ему остался ещё один корабль, для этого алиби ему и обеспечивали.

Наевшись, я стал выяснять, что должен делать я. Рядом с нашим столиком стояли вооруженные пираты. Олег объяснил, что пока я на деле не докажу свою преданность за мной будут присматривать и жить придётся под домашним арестом. Потом он протянул мне папку с бумагами и сказал:

– Вот твой контракт, там всё написано. Ты ведь читаешь по-английски?

– Немного могу.

– Ну, что не поймёшь, спросишь. Давай выпьем за удачу!

Честно я рад, что хоть один соотечественник будет в команде, надоело одному среди этих черномазых. Завтра нас освободят, точнее, мы бежим при перевозке, потом полгода на восстановление, и за новое дело. Так, что удача нам понадобится. Давай, за неё!

Мы выпили. Я посмотрел на Олега и с тоской в голосе попросил:

– Олег Викторович!

– Можешь просто – Олег.

– Хорошо! Олег, можно с Зиной попрощаться, ведь она мне, как жена была, любил я её, – моё сердце сжалось, голос задрожал.

– Ладно. Только её ведь на зеркале спалили, от неё даже праха не осталось, с чем ты хочешь проститься?

– Отведи меня к этому камню!

– Пойдём. Бегемотов отстреляли. Так что там теперь безопасно.

Мы, под присмотром моих конвоиров, отправились к камню.

– А, что это за хрень? Почему люди пыхают на нём, как спички?

– Сам не знаю, да и никто не знает. Только если бросить кого-то живого на него тут же вспышка и нет его, а бросали разные предметы и дохляков – ничего, целёхонькие остают-

ся, представляешь!

Мы подошли к камню, он возвышался сантиметров на тридцать над землёй и, действительно, был, как огромное зеркало. Я увидел наше отражение на фоне тёмно синего неба.

Вот, наконец-то я могу сделать то, что так жаждал в последние дни. Это награда за моё унижение, за мою боль, за смерть моих близких, за погубленную жизнь. Я резко повернулся к Олегу, обхватил его шею и резко бросил через бедро на гладь камня. Падая вслед за капитаном, с перекошенным от ужаса лицом, я увидел яркую вспышку и тут же вторую.

Дом у дороги

«Вы слышали слова: "Люби ближнего своего, но ненавидь врага своего". Я же говорю вам: любите врагов своих и молитесь за тех, кто преследует вас, и тогда будете детьми Отца Небесного. Он повелевает солнцу сиять над злыми и добрыми людьми. Он посылает дождь на праведных и неправедных» (Матфея 5:43-45 Совр.П)

Голос

Я открыл глаза, ослеплённые вспышками, и увидел совсем рядом, перекошенное от ужаса, лицо капитана – подонка, который сдал нас пиратам, из-за него я потерял всё: свободу, любимую женщину, жизнь. Я вскочил на ноги и бросился на злодея, вцепился руками в горло и стал душить с остервенением, с наслаждением, сжимая пальцы до судорог и боли. Мой противник захрипел и стал вырываться из смертельных объятий. Неожиданно он сильно ударил коленом меня под рёбра, перехватило дыхание. Я на мгновение ослабил хватку, негодяй тут же сбил мои руки и резким кивком головы ткнул мне в нос, от сильной боли у меня потемнело в глазах. Капитан оттолкнул меня, вскочил и резко ударил ногой, я подставил руку, но удар был очень сильным.

На мгновение я, видимо, отключился, открыл глаза и уви-

дел убегающего злодея. Быстро поднявшись, я побежал следом, но поскользнулся на влажной траве и упал, когда я встал, он скрылся за ближайшим кустом. Добежав до куста, я увидел густые заросли и несколько тропинок, уходящих вглубь джунглей. Я прислушался, не услышав шагов, бросился бежать по одной из них, но вскоре понял, что это бесполезно, предатель скрылся.

Расстроенный неудачей я вернулся на поляну, где мы дрались с капитаном. Передо мной лежал зеркальный камень, уходящий в необычайно синее озеро с берегами, заросшими тростником. Постой, а где мордовороты, которые меня охраняли? Я вспомнил события последних дней и в ужасе стал озираться по сторонам, невольно присев в траве. Мы упали на зеркальную гладь этого камня и должны были исчезнуть, так, как исчезла моя Лиза и боцман Сидорчук. Но я жив! Значит, мне всё приснилось?

Я растерянно стоял посредине поляны, потом подошёл к камню и взглянул на себя. С зеркальной глади смотрел молодой парень, совершенно голый, лицо его напомнило меня двадцатилетней давности:

– Что за хрень? – удивился я и стал ощупывать своё лицо, парень в камне стал повторять мои движения. – Не может быть! Это я? Что происходит?

Мой мозг стал перебирать все возможное, хоть чуть-чуть объясняющее происходящее: сон продолжается, я в раю, портал времени, другая галактика... Мысли неслись одна за

другой, причём каждая новая была ещё нелепее предыдущей. Вдруг я услышал голос:

– Ты в безопасности.

Я обернулся, никого рядом не было. Подумав, что это галлюцинации, я побрёл вдоль берега, не зная, что мне делать. В тростнике что-то хрустнуло, я насторожился. Метрах в десяти, среди прибрежных зарослей, в воде лежал огромный бегемот и внимательно наблюдал за мной. Я замер, как вкопанный, вспомнив, как совсем недавно эти, с виду, неуклюжие громадины убивали людей, носясь по этой самой поляне, словно ракеты. От ужаса у меня похолодело всё тело.

– Не бойся! – опять я отчётливо услышал тот же голос.

Бегемот посмотрел на меня ещё несколько секунд, показавшихся вечностью, и закрыл глаза, потеряв всякий интерес к незваному гостю. Я стал крадучись уходить подальше от берега, к деревьям. Забежав в заросли, около десяти минут мчался наугад, потом обессилев, упал под большим деревом, и стал глубоко дышать, восстанавливая дыхание.

Парк

Успокоившись, стал осматриваться по сторонам. Вокруг было очень красиво. Огромные деревья, переплетённые лианами, то там, то здесь пестрели яркими цветами. На фоне изумрудно-малахитового сияния, увенчанного изумительной голубизной неба, летали разноцветные птицы, бабочки,

стрекозы. Краски вокруг были настолько сочными, что казалось: я сижу в кинотеатре и смотрю фильм о природе, для эффекта подкрашенный на компьютере.

Поражали не только краски, но и звуки. Вокруг звучала самая настоящая симфония – симфония джунглей: крики обезьян, трели каких-то, не ведомых мне, птиц и насекомых, шелест ветра, рыканье и уханье более крупных животных. Удивительно, но я отчётливо слышу не только то, что рядом, но и то, чего рядом нет, а где-то там за деревьями, далеко!

А какой воздух! От него кружило голову, чистый, будто я на вершине гор. Лишь однажды я дышал нечто подобным, когда в прошлом году ездили с Зиной в Пятигорск, там ходили в горы. Аромат цветов будоражил чувства нежностью и загадочностью.

Странными мне показались и окружающие заросли, было ощущение, что за ними кто-то ухаживает. Вокруг была удивительная чистота, как в немецком парке. Мы, когда швартовались в Германии, любили с Зиной гулять в таких парках. Воспоминание о любимой резануло по сердцу, я вспомнил, как её бросили на камень, и, как пыхнуло её прекрасное тело, но тут же надежда, что она где-то здесь, заставила меня переключиться на настоящее, хотя, я не уверен, что это не сон.

Соорудив набедренную повязку из широких листьев какого-то кустарника, обвязав их крепкими лианами, я вдруг почувствовал сильный голод. Ведь толком не ел почти четверо суток, с тех пор, как корабль захватили пираты. Опять

мысли стали путаться в голове, если пираты были, то куда делись синяки и многочисленные раны от их побоев? Мозг стал закипать, поэтому я решил, что-нибудь съесть, а потом подумать об остальном.

Ужин

Вечерело. Я стал осматривать пальмы, которые стояли стройными колоннами вдоль одной из полян, на которую меня привела тропинка. А вот и бананы, жёлтые, значит спелые, только, как их достать? Лезть наверх не было ни малейшего желания, ни сил; сбить палкой, пожалуй, туда мне не докинуть. Что же делать? Самое обидное, еда рядом, а поесть не могу. Близок локоток, да не укусишь!

Пока я думал, как решить проблему, на ближайшей пальме показались обезьянки. Мартышки стали резво скакать по веткам, привлекая внимание громким криком, потом они стали срывать бананы и бросать их в мою сторону. Я был спасён, еды теперь было предостаточно.

Наевшись спелых бананов, я пошёл дальше, надо было искать место для ночлега, скоро ночь, спать в джунглях очень опасно. Я вспомнил, как пару дней назад меня чуть не задушил огромный удав в деревне туземцев. От этой мысли по спине пробежали мурашки.

Тропинка привела к ручью, через него было перекинута несколько брёвен. Здесь явно были люди, значит, есть шанс

найти жильё, вопрос только в том, кто там будет жить: друзья или враги.

Сильно хотелось пить. Я подошёл к ручью, наклонился и стал жадно глотать хрустально чистую воду, черпая её ладонями. Ничего вкуснее я никогда не пробовал. Япил взхлёб живительную влагу и попутно разглядывал каменистое дно ручья.

Вот совсем рядом с моими руками проплыли две вуалехвостые рыбки удивительно яркой раскраски. Они стали кружиться возле ладоней, я не удержался и схватил одну из них, вытащил из воды и стал рассматривать. Яркие краски с золотистым переливом весело играли в свете заходящего солнца. Зрелище было фантастическим. Полюбовавшись рыбкой, я отпустил её в воду. Она, как ни в чём не бывало, продолжила кружить с подружкой возле меня. Похоже, они тут не пуганы – это меня насторожило и надежда на то, что где-то рядом люди, стала таять.

Ночлег

Насытившись, я пошёл дальше. Солнце где-то в густых зарослях стало затухать, как костёр, в который забыли вовремя подбросить дрова. Надо было искать место для ночлега.

– Ложись здесь, не бойся! – опять услышал я голос.

Повертев головой, я испуганно стал пятиться к ближайшему дереву. Похоже, это был старый баобаб, хотя ботаник

из меня ещё тот, но дерево было огромным, на нём я решил устроиться на ночлег.

Я залез на одну из самых широких веток и стал укладываться. Места было достаточно, чтобы свободно лечь. Чтобы было поудобнее, я нарвал мягкого папоротника и соорудил что-то вроде постели.

Улёгшись в уютной «кровати» я стал прислушиваться к ночным звукам. Солнце уже село и над головой зажглось звёздное небо. Звёзд было так много, что казалось, будто кто-то постарался зарисовать всю черноту небесного полотна сверкающими огоньками. Я слышал, как журчит ручей недалеко от дерева, где-то хлопает крыльями ночная птица, и звенит бескрайняя тишина, уходящая в звёздное небо.

Я уже задремал, когда вдруг отчётливо услышал подозрительное шуршание совсем рядом. Этот звук мог означать только одно: змея ползла по одной из веток моей постели. Я оцепенел от страха.

– Не бойся! – опять отчётливо услышал я.

Змея тем временем подползла к моей руке. Это был большой питон, в свете луны я отчётливо видел, переливающуюся искрящимися зелёнными оттенками, атласную кожу ползущего монстра и почувствовал леденящее сердце прикосновение её к моему телу. Равнодушно сверкнув глазами в мою сторону, змея поползла на другое дерево.

– Не бойся! Никто тебя не тронет! Спи! – услышал я и уснул.

Дорога

Проснулся я, когда солнце уже опалило верхушки деревьев золотистым сиянием. Вокруг кипела жизнь: летали птицы, прыгали обезьяны, на соседнем дереве, обмотав собой ветку, висел зелёный питон, размахивая хвостом и вытянутой головой. Обилие красок и звуков опять закружили меня. Я спустился с дерева, подошёл к ручью, умылся, напился чудесной воды, потом съел несколько, припасённых со вчерашнего ужина, бананов. Осмотревшись, я решил идти дальше по тропинке.

Погода была прекрасной, не было привычной для этих мест духоты, впрочем, я ведь не знаю, где я, может это другая галактика, а тот камень, какой-нибудь портал для перемещения во вселенной. Эти мысли меня немного отвлекли от того, что вокруг.

Тем временем я подошёл к широкой просеке, именно просеке, потому что она тянулась влево и право и поворачивала метрах в пятистах от меня за деревья. По просеке шла дорога с четырьмя хорошо укатанными колеями.

Я хотел выйти на дорогу, но упёрся в невидимую стену из чего-то мягкого и в тоже время непробиваемого. Вдруг по дороге что-то пронеслось с невероятной скоростью, я успел увидеть только сверкнувший луч, потом ещё один. После этого движение по дороге прекратилось.

Я стал нащупывать невидимую преграду, но ничего не нашёл. Подойдя ближе к дороге, стал с интересом разглядывать её: четыре твёрдых и очень гладких колеи, лежали парами метрах в пяти друг от друга, между ними росла низенькая трава с разноцветными мелкими цветочками, похожими на Анютины глазки. Посмотрев по сторонам, я вышел на дорогу и встал посередине. Теперь надо было решить куда идти.

– Иди вправо, – послышался голос.

Я повернулся и пошёл в указанном направлении.

Прогулка

Пошёл дождь. Он был тёплым и приятным. Я шагал по дороге и рассматривал окружающие красоты. Вокруг всё цвело и пахло, настроение у меня, как ни странно, было прекрасным. Несколько раз голос советовал сойти с дороги, сначала я слушал неохотно его настойчивые призывы, но после того, как неведомая сила выталкивала меня за пределы дороги и по ней проносились сверкающие стрелы, я решил слушаться моего невидимого покровителя.

За одним из поворотов я увидел огромную поляну, окружённую джунглями. На поляне паслись буйволы и антилопы, а также другие животные, названия которых я не знал. Я сошёл с дороги и решил лучше рассмотреть всю эту экзотику. Подойдя ближе, остановился, боясь их спугнуть, но тут же ко мне подбежал маленький оленёнок и стал обнюхивать,

потом стал тереться тёплым, пушистым лбом о мой живот. Я насторожился, боясь его мамы, только мои переживания были напрасны: мамаша этого малыша равнодушно посмотрела в нашу сторону и, как ни в чём не бывало, продолжила щипать траву.

– Что за хрень? Да у вас тут, как в раю, может я уже на небесах, а ты маленький ангел? – заговорил я с оленёнком, глядя его бархатную шею.

Сзади в мои ноги ткнулось что-то мягкое и шерстяное. Я повернулся и обомлел, прямо возле моих ног сидел маленький львёнок и озорно смотрел в мои глаза, потом он вскочил, как котёнок, задрал хвост и прыгнул на мою ногу. Малышу, явно, хотелось поиграть. Я наклонился и стал гладить увесистую киску.

– Бежал бы ты к своей мамке, а то ненароком придёт за тобой.

Только я это проговорил, как увидел лежащую метрах в двадцати от нас львицу с ещё одним львёнком.

– А вот и мама, – прошептал я и убрал руку с мохнатой спины львёнка.

– Не бойся! – сказал голос.

Легко сказать «не бойся», когда в нескольких шагах от тебя лежит живой лев, но что это: буйволы и антилопы её не бояться, вон та, чуть на нос львице не наступает. Видно, что тут у них полная идиллия, я вспомнил бегемота возле зеркального камня, потом ночного питона на дереве, теперь лев

с антилопами на одной поляне. Где я? В раю? С чего это вдруг? Нет, я сплю, всё это длинный сон, поэтому надо не заморачиваться вопросами, а просто наслаждаться происходящим, пока он опять в кошмар не обратился.

Дом

Осмотрев поляну, я вернулся на дорогу и пошёл дальше. За очередным поворотом я увидел то, что очень хотел увидеть и в тоже время, чего больше всего боялся. Это был дом, большой, красивый дом, в два этажа, с замысловатыми башенками и ажурными балконами. Он напоминал маленький замок из сказки про добрых фей.

Кто здесь живёт? Этот вопрос волновал меня. С одной стороны, очень хотелось побыстрее встретиться с людьми, а с другой, не хотелось опять попасть в клетку и стать подопытным кроликом очередного маньяка.

Я осторожно пробрался поближе и, спрятавшись в густых зарослях, решил понаблюдать за жилищем. Просидев более получаса, так ничего и не увидев подозрительного, я решил послушаться моего невидимого попутчика, который уже не первый раз говорит:

– Иди смело внутрь!

Я осторожно вышел из кустов и, озираясь по сторонам, стал, крадучись, пробираться к дому. Через пару минут я уже стоял возле двери, постучал, никто не ответил. Открыв

дверь, вошёл внутрь.

Передо мной была просторная комната, красиво меблированная, широкая лестница справа вела на второй этаж, впереди стеклянная дверь, слева от неё, широкое окно почти во всю стену. В комнате было очень светло и просторно. Я громко крикнул на ломаном английском:

– Привет! Есть здесь кто?

Дом ответил тишиной. Я прошёл на середину комнаты и крикнул ещё раз чуть громче. Опять никто не ответил, видимо, хозяев не было. Я стал осматривать дом. В прихожей, кроме лестницы наверх и двери, которую видно от входа, было ещё две двери: одна была под лестницей и вела в подвал, другая слева от входа – на кухню.

Мебель сливалась с домом в единое целое. У хозяев был отменный вкус, каждый предмет стоял на своём месте, казалось, что я нахожусь в образцово-показательном музее по благоустройству квартир.

Удивило отсутствие электроприборов, но когда я заглянул в тёмный подвал, там сразу зажёгся яркий свет, исходивший, как мне показалось, от белоснежного потолка. Светился весь потолок равномерным, ярким свечением. Он вспыхнул так неожиданно, что я невольно зажмурился, когда открыл глаза, мне показалось, что за высоким шкафом в глубине подвала мелькнула тень, напоминающая силуэт человека. Я испугался, но взяв себя в руки, ещё раз крикнул:

– Привет! Есть здесь кто?

В ответ опять тишина, я успокоился, но в подвал решил не ходить. Закрыв в него дверь, стал подниматься на второй этаж по широкой лестнице с витиеватыми перилами.

Встреча

На втором этаже было несколько спален, два туалета с ванными комнатами и кабинет с письменным столом и странными панелями в разноцветных знаках на маленьких прямоугольниках, напоминающих кнопки в лифте.

Осмотрев дом, я вышел на просторный балкон в одной из спален и присел в стоящее на нём кресло. Эта часть дома выходила на противоположную от входа сторону. Передо мной открылся великолепный вид. Дом стоял на холме, поэтому можно было хорошо осмотреть окрестности.

Далеко на горизонте синели горы, всё пространство до них было устлано изумрудным ковром зелени, пестрящей всполохами жёлтых, оранжевых, красных, синих и других красок. Посередине этой прекрасной картины, извиваясь голубой лентой, тянулась река, которая огибала холм с левой стороны.

Что это? На песчаном берегу реки, прямо возле дома, метрах в ста от меня, лежали мужчина и женщина, видимо, загорали или спали. Я насторожился, вскочил с кресла и спрятался за ажурную решётку балкона. Через неё мне можно было хорошо рассмотреть лежащих на песке, а самому остаться

незамеченным.

Мужчина был крепкого телосложения, с очень смуглой кожей, светловолосый. Женщина: хрупкая, тёмноволосая, в её точёной фигуре, казалось, не было изъянов, впрочем, как и в фигуре мужчины.

Вот здоровяк поднялся и побежал к воде, подняв тучу брызг, он плюхнулся в воду и поплыл на спине, громко крикнув:

– Гарно то як, мать твою!

Этот голос и говор нельзя было спутать ни с кем.

– Стёпа! Сидорчук! – заорал я, встав в полный рост и размахивая руками.

Через пару минут я уже стоял на берегу перед Зиной, которая в изумлении смотрела на меня, не веря своим глазам. Впрочем, я тоже был поражён ожившей молоденькой девчонкой с фотографий из Зининых альбомов двадцатилетней давности.

– Серёжа! – наконец, сбросив оцепенение, закричала она и бросилась мне на шею.

– Здоровеньки булы! – подошёл мокрый и, сияющий богатырской мощью и молодецкой удалью, боцман.

Мы обнялись с ним. Я с удивлением посмотрел на его белобрысую шевелюру и, улыбаясь, спросил:

– Слушай, когда ты успел волосы отрастить, или ты гримировался под лысого всё время?

– Це, зэркало мэнэ так размалювало. Я таким рокив в два-

дцать був, а писля службы на атомной пидлодци вси мои волосся гикнулыся.

Странности

Ещё через полчаса мы уже сидели в доме на, увитой виноградом, веранде и ели суп, который приготовила Зина. Она была в красивом бирюзовом платье, боцман сидел напротив меня в шортах лимонного цвета, рубашку он одевать не стал.

– А где вы так приоделись?

– Здесь есть чудесный гардероб, пойдём и тебя оденем, – игриво сказала Зина, потянув меня за руку.

– Нет. Давайте сначала поедим, а то от голода уже в глазах мутнеет.

Мы стали есть. Боцман и Зина наперебой рассказывали, как они оказались здесь. Много было похоже на то, что я сам испытал. Где мы и что это такое вокруг, мы не понимали и не знали, но то, что мы живы, здоровы и молоды – это было очевидным. Как это случилось, для нас оставалось загадкой.

– Ще цей дом! Здається мни, шо хтось живэ тут, але мы никого за три дни так и не побачили.

– А мне показалось, что в подвале я видел чью-то тень, – сказал я боцману.

– Да ты шо? А я, думав, мени показалось, я також бачив там шось позавчора, думав, почудылось.

– Надо этот подвальчик получше рассмотреть, может хозяева отыщутся, ведь кто-то же за этим всем следит! Не может же такой порядок сам по себе сохраняться!

Не откладывая, сразу после обеда, мы пошли в дом к двери, ведущей в подвал.

Прощение

Как только мы вошли, потолок озарился мягким свечением. Подвал был довольно просторным. У входа стояло несколько узких шкафов, пройдя мимо них, мы повернули направо и обомлели. Перед нами был просторный зал с большими бочками вдоль стен, на каждой бочке был кран, возле первой бочки стоял стол с кружками и раковина для мытья посуды.

– Ты дывись! Це мы гарно завернули!

– Это, что вино? – из-за наших спин прошептала Зина.

– Сейчас проверим, – сказал я и, взяв кружку, подошёл к ближайшей бочке и открыл кран, душистый аромат полился вместе с бардовой жидкостью.

Сделав несколько глотков, я блаженно зажмурил глаза и сказал:

– Лепота! Я такого ещё не пробовал!

Мы налили себе ещё по кружечке из другой бочки, потом из третьей, вскоре нам было так хорошо, что мы напрочь забыли, зачем сюда пришли. Вдруг в глубине подвала что-то

скрипнуло. Мы насторожились.

– Кто тут е? – зычно крикнул боцман и пошёл в сторону скрипа.

Мы с Зиной остались стоять возле стола с кружками. Сидорчук дошёл до последней бочки и, заглянув за неё, вдру резко ударил что-то или кого-то, невидимого нам. Я оставил Зину и побежал к боцману, когда я подбежал, увидел за бочкой, сидящего на корточках, черноволосого совершенно голого парня, он стонал от боли.

– Ты дывись! Кого я бачу? Це ж наш кок, той шо нас предав, – Сидорчук хотел ударить парня ногой, но я остановил его.

– Постой, Степан. Он нам по сути жизнь спас, а ты его бьёшь. Пусть живёт, не марайся.

– Точно, не трож гимно воняты не будэ! Шо бандюки тебэ в подяку за нас в расход пустылы?

Мы дружно плюнули в сторону кока и пошли к Зине. За спиной раздался громкий плач и всхлипывающий, прерывающийся голос Мекулова:

– Я испугался, ... простите ме-ме-ня! Я очень силь-но ис-ис-пугал-ся, ... я ...! – он стал безудержно рыдать.

Мне стало жалко мальчишку, я повернулся к Боцману и шепнул:

– Хрен с ним, Стёп, давай простим, пацан ведь ещё, с кем не бывает!

– Шут з ным, тильки вин у менэ всю жизнь на камбузе ба-

трачить будэ.

– Ладно, Вован, выходи! – крикнул я коку.

Он вышел из-за бочки, увидев Зину, испуганно спрятался обратно. Мы с боцманом громко захохотали, а Зина смущённо отвернулась, потом кинули коку полотенце висевшее на стене. Когда Вова подошёл в банном одеянии и стал, всхлипывая, опять извиняться, боцман сунул ему полную кружку вина, налил остальным и сказал:

– Хай будэ гарно!

Нужные вещи

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матфея 6:19-21)

Одежда

После осмотра подвала мы довольные и пьяные вернулись на веранду, прихватив кувшинчик, особо понравившегося всем, вина. Сев в удобные плетёные кресла, пили вино и слушали рассказ кока о том, как пираты, «отблагодарили» его: накормили, напоили, а потом отвели к зеркалу и бросили на него. Остальное было, как у нас, только появление боцмана и Зины сильно напугало парня, вот он и спрятался в подвале и сидел там последние три дня.

– Ладно, Вован, надо бы тебя хорошенько отделать, но, чёрт с тобой, живи! – я повернулся к Зине и, обняв её, сказал: – Кто-то обещал меня приодеть?

– Всегда пожалуйста! Пойдём! – сказала Зина, смеясь, потянула меня за руку в дом.

Мы прошли через просторную комнату к двери возле лестницы, Зина открыла её и, сделав приглашающий жест

руками, сказала:

– Прошу!

Я осторожно вошёл в небольшую комнату с огромным зеркалом во всю стену, слева стоял небольшой диванчик с журнальным столиком.

– Присаживайтесь, Сергей Иванович!

Я сел на диван, Зина села рядом и нажала на верхний правый край стола. Блестящая крышка стола зажглась разноцветными значками – это был сенсорный экран. Я стал разглядывать картинки, а Зина прижалась ко мне и поцеловала в губы, потом показала на стол и сказала:

– Выбирайте, Сергей Иванович!

– Что выбрать?

– Вот, смотри! Рубашки, вот брюки, вот шорты.

– А, понял, – я стал нажимать на понравившиеся образцы, они начинали мигать.

– Если что-то не нравится, нажми ещё раз и заказ отменят.

– Какой заказ?

– Сейчас увидишь. Выбирай!

Я быстро отобрал нехитрый прикид курортника, состоящий из широкой рубашки с короткими рукавами и шортами, белого цвета.

– А теперь открой вон ту дверцу, – Зина показала рукой на противоположную стену, где была дверь встроенного шкафа. Я подошёл к нему и открыл, внутри были полки, на одной из них лежали аккуратно свёрнутые шорты и рубашка.

Удивлённо посмотрев на Зину, я взял вещи и тут же, одев их, подошёл к зеркалу.

Увиденное мне понравилось, только цвет надо было выбрать другой – оранжевый, например. Только я об этом подумал, как в зеркале белое одеяние стало ярко оранжевым.

– Что за хрень! – испугался я.

– Тебе, видимо, цвет не понравился, вот зеркало и среагировало. Можешь так и фасон и длину корректировать.

– Да ты чё! Во техника дошла! А во времени оно не перемещает?

– Не знаю, не проверяли, – улыбаясь, сказала Зина. – Этот цвет тебе идёт. Теперьними и обратно в шкаф положи, закрой, потом открой и получишь то, что видишь в зеркале.

– Ты шутишь?

– Нет, меня голос научил, когда я первый раз сюда попала. Так что не бойся, всё будет в лучшем виде.

Пицца

Через час я в новенькой одежде сидел на веранде и с удивлением рассматривал вошедшего кока, вырядившегося, будто он собрался в Рио на карнавал. Мы с Сидорчуком, вволю насмеявшись над его видом, в один голос обратились к Зинуле:

– Доктор спасайте, кушать хочется!

– Тогда все на кухню! – весело скомандовала захмелевшая

Зина.

Мы, раскачиваясь, продолжая подшучивать над коком, пошли в дом. Кухня была просторной, за окном была видна река и джунгли под синим сводом неба. Удивило отсутствие плиты, холодильника, мойки и микроволновки. Зато огромный деревянный стол посередине комнаты поражал сверкающей полировкой и декоративными ножками в виде каких-то сказочных животных. Стол был овальной формы, вокруг стола висели в воздухе, именно, висели кресла без ножек.

– Как на этом сидеть? – спросил я боцмана, осторожно трогая одно из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.